

В Москве живут славяне и южане? Исследование вернакулярных категоризаций с применением элицитационных методов

Рекомендация для цитирования:
Варшавер Е. А., Орлова А. А.,
Гупалова Ю. В. (2025) В Москве живут
славяне и южане? Исследование
вернакулярных категоризаций
с применением элицитационных
методов. *Социология власти*, 37 (3):
214-240
EDN: UFPDTD

For citation:
Varshaver E. A., Orlova A. A., Gupalova
Yu. V. (2025) Are There Only Two
Ethnic Groups in Moscow: Slavs and
Southerners? Research on Vernacular
Categorization Using Elicitation
Methods. *Sociology of Power*, 37 (3):
214-240

Поступила в редакцию: 20.04.2025;
прошла рецензирование: 02.06.2025;
принята в печать: 24.08.2025
Received: 20.04.2025; Revised:
02.06.2025; Accepted: 24.08.2025

© Authors, 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ЕВГЕНИЙ А. ВАРШАВЕР*

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

АНАСТАСИЯ А. ОРЛОВА*

<http://orcid.org/0009-0001-4245-5113>

ЮЛИЯ В. ГУПАЛОВА*

<http://orcid.org/0009-0004-0909-0046>

* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

Резюме: В данной статье представлены результаты исследования этнических категорий, используемых в ходе повседневных категоризаций в Москве. Исследование было проведено на стыке классических и инновационных методов, «вдохновленных» когнитивными науками, к которым относятся видеоэлицитация и совместные прогулки с информантами. В ходе исследования было проведено 41 интервью. Информанты различались по разнообразию характеристик, включая миграционную историю (и срок проживания в Москве), этническую категорию по идентификации, гендер, возраст и прочее. Исследование показало, что категоризация в московской повседневности происходит на основании двух классификаций: официальной классификации по национальностям, корни которой уходят в советскую национальную политику, и вернакулярной классификации, в которую входит две или три категории: «славянин» и «южанин», при-

том что последняя категория включает в себя разделение на «Кавказ» и «Азию». Классификация по национальностям является, с одной стороны, слишком подробной для «пользователей», и такая подробность является излишней с практической точки зрения, с другой — категориям внутри нее не хватает индикаторов для того, чтобы она использовалась в повседневности. Бинарная/тернарная классификация, в свою очередь, базируясь на важных с практической точки зрения различениях, является слишком неформальной и не имеет достаточных оснований для того, чтобы вытеснить классификацию по национальностям. В результате каждый акт категоризации является, по сути, компромиссом между двумя этими классификациями и использует их обе, тяготея все же к бинарной/тернарной категоризации.

Ключевые слова: этничность, категоризации, когнитивный поворот, Москва, национальности

Are There Only Two Ethnic Groups in Moscow: Slavs and Southerners? Research on Vernacular Categorization Using Elicitation Methods

Evgeni A. Varshaver*

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Anastasia A. Orlova*

<http://orcid.org/0009-0001-4245-5113>

Yulia V. Gupalova*

<http://orcid.org/0009-0004-0909-0046>

* Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract: This article presents the results of a study of ethnic categories used in everyday categorizations. The study was conducted at the intersection of classical and innovative cognitive science-inspired methods, including video elicitation and the walk-along method. During the study, 41 interviews were conducted. Informants differed based on a variety of characteristics, including migration history/length of residence in Moscow, their ethnic category of identification, gender, age, etc. The study showed that categorization in everyday Moscow occurs on the basis of two classifications: the official classification by nationality, the roots of which go back to Soviet national policy, and the vernacular classification that includes two or three categories: “Slav” and “Southerner”, while the latter category includes “Caucasus” and “Asia”. The classification by nationalities is both too detailed for its “users” and lacks practical meaning — the categories within it lack indicators for it to be used in everyday life. The

binary/ternary classification, in turn — while being based on meaningful categories — is too informal and does not have its own imaginaries to displace a classification by nationalities. As a result, each classificatory act is essentially a compromise between these two classifications and uses them both, prioritizing binary and ternary classification.

Keywords: ethnicity, categorizations, cognitive turn, Moscow, nationalities

Введение

216

Современные конструктивистские исследования этничности, находящиеся в рамках так называемого когнитивного поворота (Brubaker, Loveman, Stamatov 2004), рассматривают этничность прежде всего как классификаторный феномен, являющийся общим знаменателем для постоянных актов категоризации, которые осуществляют люди и различного рода институции. Первое время подход этот предполагал первостепенное внимание к формальным, институционализированным классификациям, осуществляемым «большими» коллективными акторами, прежде всего государствами (Appadurai 1993; Kertzer, Arel 2001; Simon, Piche, Gagnon 2015). Происходило это отчасти из-за доступности данных в виде государственной статистики, отчасти — из-за признания безусловной важности административной категоризации в жизни обществ. В рамках этого подхода имплицитно предполагалось, что люди идентифицируют себя и других прежде всего с категориями, определенными именно в ходе «бюрократической» классификации населения (Appadurai 1993; Kertzer, Arel 2001), осуществляемой посредством переписи населения, паспортизации, музейных экспозиций, картографических материалов и др.

Но действительно ли это так, и повседневная категоризация в полной мере совпадает с «официальной», заданной государственной оптикой в отношении этнического состава населения? В той мере, в какой абсолютное большинство актов категоризации происходит на неформальном уровне, и именно эти категоризации де-факто детерминируют отношение и поведение, по сравнению с категоризацией, осуществляемой официальными институциями, вернакулярные категории и категоризации оказываются в фокусе внимания ученых значительно — и незаслуженно — реже. В России же, хотя имеется несколько исследований, посвященных этничности в повседневности российских городов, где затрагивается и категориальный аспект (Sahadeo 2019; Зайончковская, Полетаев, Флоринская, Доронина 2014), исследований, которые были бы непосредственно посвящены этническим категориям, посредством которых люди классифицируют окружающих, до настоящего момента не проводилось.

Поскольку классические социологические методы ориентированы прежде всего на языковую, дискурсивную реальность, а способы говорить о мире и фактический взгляд на мир, однако, не находятся в соотношении один к одному, обозначенные соображения требуют пересмотра и расширения «линейки» методов, которые обычно используются в социальных науках для изучения этничности. Логичным ходом в рамках разработки таких методов для исследований, находящихся в русле когнитивного поворота, является обращение за вдохновением к когнитивным наукам, которые могут предложить инструментарий для приближения к уровню спонтанных, обыденных категоризаций. Таким методом, в дополнение к классическим полуструктурированным глубинным интервью, в работе являются «элицитационные» техники, предполагающие использование стимулов из окружающей реальности для обращения к непосредственному опыту восприятия информантами этничности.

В этой статье на основании полевого материала, собранного в Москве, описывается, как и на основании каких категорий на самом деле осуществляется категоризация людьми в повседневности. То, что в России живут представители разных национальностей, а Москва — столица России и город, в котором можно встретить представителей всех российских национальностей — элемент устоявшихся представлений об этническом разнообразии, а также безусловный факт для большинства жителей Москвы и разного рода экспертов. В то же время фактический взгляд людей на этничность, будучи связанным с контекстом социализации, может значительно отличаться от официально декларируемых представлений об этническом разнообразии. Являются ли в конечном счете национальности также и рамкой для спонтанных классификаций в городском пространстве Москвы, не редуцируется ли все разнообразие национальностей в таком случае до ограниченного набора категорий? И кроме того — не является ли эта категоризация более важной и в большей степени организующей социальную жизнь, чем классификация по «официальным» национальностям? На эти вопросы позволяет ответить данное исследование.

217

Теоретическая рамка и обзор литературы

Наиболее разработанным направлением в связи с изучением этничности как классификаторного феномена является обращение конструктивистских исследований к официальным институциям, которые данную классификацию осуществляют. Парадигмальной работой в этой связи стала книга «Воображаемые сообщества», вышедшая в 1983 году, где Б. Андерсон описывает ключевую роль таких инструментов государственного регулирования, как перепись

населения, музеи и картографические материалы, в представлении людьми себя в качестве членов единого сообщества (Anderson 2006).

Этот ход мысли был поддержан рядом исследователей, и, например, в работе 1987 года У. Петерсен прослеживает изменение перечня этнических категорий в переписях населения США, а также роль различных групп интересов, претендующих на формирование новой «социальной реальности», в этом процессе (Petersen 1987). Важной работой для исследований официальных классификаций также стала статья А. Аппадурай, где он показал, как классификаторная логика британского колониального режима, стремление к систематизации населения, привела к формированию особого типа воображаемого сообщества, основой которого стала кастовая система (Appadurai 1993).

В 2001 году под редакцией Д. Керцера и Д. Ареля был опубликован сборник статей, в котором авторы предприняли попытку охватить разнообразие страновых случаев в части этнической категоризации населения государством, а также, подытожив результаты работы в этой тематической области, выдвинули тезис, согласно которому государства почти повсеместно занимаются формированием и поддержанием этнической реальности (Kertzer, Arel 2001). Своего рода смысловым продолжением этого сборника стал сборник статей, вышедший под редакцией П. Симона, В. Пише, А. Гагнона (Simon, Piche, Gagnon 2015). В нем на примере отдельных стран и на основании количественного анализа используемых этнических категорий в переписях населения демонстрируются прагматики изменения государственной рамки этнической категоризации. Особый интерес, однако, здесь представляет работа Ж. Петручелли, который на примере изучения этнической классификации в Бразилии показал, что этническая самоидентификация людей и категоризация других людей, будучи связанной с множеством атрибутов (например, религией, происхождением человека, акцентом и др.), в значительной степени может отличаться от официальной, предложенной статистическим учетом, несмотря на «политическую силу» последней (Petrucelli 2015). Таким образом, государство посредством различных инструментов статистического учета категоризирует население, конструируя тем самым этнические категории (Kertzer, Arel 2001; Valentine, Valentine 1971), однако то, насколько такая классификация совпадает с повседневной категоризацией, все еще остается дискуссионным вопросом.

Что касается вернакулярного измерения этнических категоризаций в определенных контекстах, то в социологических и антропологических исследованиях эксплицитно такая постановка вопроса встречается не так часто. В целом общей чертой исследований повседневной классификации является признание того факта, что

люди обычно имеют значительное пространство для маневра в том, как они используют категории, даже в том случае, если имеется перечень категорий, «предзаданный» государственной риторикой. Одна из первых работ в этой области — статья М. Харриса 1970 года, в которой на основании результатов элицитационного исследования делается вывод о том, что этническая категоризация жителей Бразилии характеризуется внутренним разнообразием, и участники исследования «соглашаются» друг с другом на предмет лишь небольшого количества «общих» категорий (Harris 1970). К аналогичным выводам относительно бразильского контекста пришел и Р. Санджек в статье 1971 года (Sanjek 1971). На примере иных страновых случаев исследователи также обнаруживают значительную вариативность в интерпретации этнической реальности и классификации (Sanjek 1977; Starr 1978; Gravlee 2005). Так, в исследовании, контекстом которого являлась урбанизированная Гана, Р. Санджек подтвердил, что этнические схемы¹ хотя и могут иметь общий базис в виде, например, существующих языковых групп, в значительной степени отличаются от человека к человеку (Sanjek 1977). Кроме того, при изучении вернакулярной этнической структуры Бейрута П. Старр показал, что не существует единой или полной схемы категорий, которая была бы универсально применяема всеми жителями Бейрута, но, что является общим — из вернакулярной этнической классификации чаще всего оказываются исключены малочисленные этнические категории (Starr 1978).

219

Описанные до этого момента работы в целом сходились на том, что категории, которые люди используют при спонтанной этнической категоризации, в значительной степени различаются у разных людей. При этом вопрос о том, являются ли эти категоризации вариациями одной этнической схемы, или разделяемой всеми членами некоторого сообщества этнической схемы и вовсе не существует, оставался открытым. Интересной в данной связи представляется работа Дж. Санкоффа (Sankoff 1971). На полевом материале, собранном в Новой Гвинее, он сделал вывод о том, что хотя различия в том, как разные люди говорят об этнических категориях и как с помощью них интерпретируется социальная реальность, действительно существуют, эти различия могут быть изучены в двух аспектах. Первая точка зрения предполагает анализ вариаций используемых в повседневности категорий с точки зрения ряда ситуативных или контекстуальных факторов, и, в общем смысле, основана на том, что все люди разделяют одну модель этнической классификации и просто по-разному ее выражают. Вторая же

1 В общем смысле — представления об этнических категориях, сосуществующих в одном пространстве, и их атрибутах.

точка зрения утверждает наличие различий в самих классификаторных моделях и невозможность создания универсальной схемы. Хотя, как правило, исследования этнический классификаций фокусируются на одном из уровней изучения — официальном или вернакулярном — сравнение их соотношений может выступать в качестве одного из сторонних сюжетов. Так, в уже упомянутой работе Дж. Санкоффа отмечается, что многие люди в действительности используют официальную классификацию (Там же). Однако, по данным различных исследований, соотношение данных категоризаций более чем вариативно (Petrucelli 2015; Piekut, Valentine 2016).

Наиболее поздними работами по этнической категоризации в повседневности являются работы, связанные с именем В. Рот (Roth 2012; Roth 2015). В них автор концептуализирует понятие «этнической схемы», анализирует методологические подходы для их выявления, которые применялись ранее, в частности метод фотоэликации. Эмпирическая часть исследований была посвящена изучению этнических схем, которые используют доминиканцы и пуэрториканцы в США и в Пуэрто-Рико, и по ее результатам была определена «американская этническая схема», разделяемая мигрантами в США и состоящая из трех категорий — «белые», «черные» и «латиноамериканцы», и более сложная и многосоставная схема, используемая в родном для информантов Пуэрто-Рико. Анализ В. Рот того, как люди категоризируют окружающих в разных контекстах, показал, что каждый человек может обладать знанием нескольких этнических схем, которые оказываются уместны и полезны в разных ситуациях. Что касается российского контекста, то, насколько известно авторам статьи, исследований, посвященных вернакулярным категоризациям и, кроме того, их сравнению с категоризациями, тяготеющими к официальным, до настоящего момента не проводилось. Внести вклад в это тематическое и методологическое направление и призвано настоящее исследование.

220

Методология

Итак, каковы категории, которые используют люди для этнической классификации других в повседневности? Для ответа на этот вопрос было проведено исследование, комбинирующее несколько методов. С одной стороны, было важно использовать методы, которые позволили бы исследователю обратиться к непосредственному опыту восприятия информантами этничности, так называемым спонтанным классификациям, а с другой стороны — проверить, отлична ли эта классификация от того, как человек говорит об этничности и какие категории использует, если непосредственной задачи по классификации окружающих не стоит.

Исходя из данной установки, ключевые инструменты, которые были применены в исследовании, были условно разделены на два типа — «элицитационные», предполагающие использование стимулов, и инструменты без стимулов. «Элицитационные» инструменты, в свою очередь, делились на «видеоэлицитацию»¹, демонстрацию видеостимулов, предварительно заснятых в разных повседневных контекстах Москвы, и на «классификаторные прогулки»² с информантами, предполагавшие совместное пребывание исследователя и информанта в повседневном контексте и обсуждение находящихся вокруг людей, то есть работу с «естественными» стимулами из окружающей реальности. Общий запрос, адресованный информантам в ходе «элицитационной части», состоял в том, чтобы определить, к какой «этнической категории» относятся люди, представленные на видео или находящиеся/проходящие мимо, а также — по каким признакам они, информанты, это поняли. Дополнительно к «видеоэлицитации» или «классификаторной прогулке» информантам было предложено, уже без использования визуальных стимулов, ответить на вопрос о том, какие этнические группы постоянно или временно проживают в Москве. Данный инструмент был использован в интервью как контрольный относительно основных — «элицитационных» — методов, призванных ответить на вопрос о том, какие категории используются для спонтанной категоризации людей в городской повседневности.

221

В каждом фактическом интервью описываемые инструменты комбинировались так, что в нем обязательно присутствовал один из «элицитационных» инструментов (видео или прогулка), инструмент без стимулов, и кроме того, биографическая часть. Для снижения вероятности воздействия каждого отдельного инструмента на результаты исследования в интервью они размещались в разном порядке, а пропорции каждого типа интервью (выбор между «видеоэлицитацией» и «классификаторной прогулкой», очередность

1 Относительно новый метод, находящийся на стыке визуальной и когнитивной социологии и наследующий в этом смысле фотоэлицитационным методикам. Применительно к другим темам видеоэлицитация использовалась в ряде исследований (Henry, Fetters 2012; Keesman 2022; Karahan 2023). Более распространенной элицитационной техникой является фотоэлицитация, которая для изучения этнических явлений использовалась в нескольких социологических и антропологических работах (Roth 2015; Gold 1991). Видеоэлицитация для изучения этничности, насколько известно авторам, ранее не использовалась.

2 Вариация метода walk-along или go-along interviews, относительно распространенного в рамках изучения как этничности, так и других тем (Warren 2017; Lornic, Kilkey, Ryan, Tawodzera 2022).

«элицитационных» инструментов и инструментов без стимулов) в общем массиве данных были приблизительно равны.

Информанты для интервью были рекрутированы разными способами — через интернет, методом «снежного кома», в торговых центрах и через платформу для размещения вакансий YouDo. В выборку вошли как постоянные, так и временные жители Москвы, в качестве минимального критерия выделялось проживание или регулярное пребывание в Москве не менее двух лет¹. Отбор информантов осуществлялся на основании квот по полу, возрастной группе, месту рождения — Москве, ином регионе или другой стране, и этнической категории по самоидентификации. Квоты «перекрещивались», в результате чего формировалось конкретное требование по количеству информантов, соответствующих определенным характеристикам. Всего было собрано 41 интервью, средняя продолжительность которых составила 60 минут.

Интервью записывались на диктофон, а затем были транскрибированы. На основании имеющихся транскриптов, во-первых, выделялись этнические категории, которые встречались в «элицитационной» части интервью и части без стимулов, во-вторых, указывались индикаторы — признаки, по которым люди категоризировались в качестве представителей тех или иных категорий, в-третьих — на основании всего интервью — делались предположения о том, почему именно такие категории и такие индикаторы фигурировали в интервью.

В той мере, в какой разные инструменты исследовательского дизайна, включенные в одно фактически проводимое интервью, позволяют сравнить между собой два уровня этнических классификаций, первым делом внимание будет уделено «метакатегориям» — словам, обозначающим всю совокупность этнических категорий, которые стандартно используют информанты. Затем будут описаны категории, которые информанты перечисляют, когда рассуждают об этническом разнообразии в Москве без демонстрации стимулов, и, наконец, описано то, как люди классифицируют окружающих в повседневности. В конце раздела, посвященного результатам исследования, будут прослежены взаимосвязи между двумя наборами категорий — перечисляемыми в ходе разговора и используемыми при спонтанной классификации, и будет получен ответ на вопрос, как и на основании чего происходит этническая категоризация в московской повседневности.

1 Такой порог был установлен в связи с тем, что в фокусе исследования находятся представления об этнических различиях, которые носят социальный характер и передаются в процессе социализации в те или иные городские среды. Однако, чтобы воспринять и усвоить эти представления, человеку требуется хотя бы некоторое время.

Метакатегории: какие слова привычны информантам для разговора об этническом разнообразии?

Ответ на вопрос о том, на чем строится этническая категоризация в московской повседневности, предполагает понимание того, какие термины вообще используются людьми при разговоре об этничности — «народы», «национальности», «этнические группы» или что-то иное? Выбранные термины могут быть описаны как «метакатегории», которые, предположительно, имеют воздействие и на то, как этническое разнообразие воображается людьми.

Для подавляющего большинства информантов таким ключом к пониманию этнического разнообразия стало слово «национальность». В тот момент, когда исследователи, как следовало из методологии, задавали вопрос про «этнические группы», представители которых проживают в Москве, информанты могли не понять этот вопрос и уточнить — что именно понимается под этнической группой? Если предлагаемый исследователями термин и понимался информантами, то затем они реинтерпретировали его в привычном для себя ключе — через «национальности»:

223

Интервьюер: А вообще, представители каких других этнических групп жили в Калмыкии?

Информант: Других национальностей?

Интервьюер: Да, можно так сказать.

(Женщина, 55 лет, Элиста, калмычка)

Для некоторых информантов, однако, привычные «национальности» и предлагаемые «этнические группы» не были полностью синонимичны, и — когда им предлагалось отразить различия — их версии могли быть разными. Например, этнические группы могли связываться с большими, чем привычные национальности, категориями:

Информант: Ну, как, я подумала о том, что скорее вы подразумеваете, наверное, какую-то более укрупненную группу, нежели отдельные национальности <...> Предкавказье, Закавказье, если я поняла.

(Женщина, 61 год, Москва, русская)

Чаще всего информанты почти автоматически «переводили» вопрос с использованием слова «национальности» и затем говорили уже о них или, без такого перевода, использовали термин, который предлагался исследователями.

Категории без стимулов: официальный перечень национальностей

Ранее была описана терминология, которую использовали информанты для описания этнического разнообразия. Для контраста и последующей фокусировки на результатах интервью со стимулами в этой части статьи будет показано, какие категории информанты используют, когда рассуждают об этническом разнообразии в Москве умозрительно, без демонстрации стимулов.

В значительной части случаев информанты — вне зависимости от происхождения — на вопрос «кто проживает в Москве постоянно или временно» приводили то, что условно можно обозначить как «список национальностей». Такого рода «список» — это способ воображения этнического разнообразия через отсылку к существующему в дискурсе представлению о текущем статус-кво этнического разнообразия. В качестве подобных источников могут выступать данные переписи населения или, например, более популярный формат их изложения — данные из Википедии. Иногда информанты в разговоре утверждали, что в Москве таких категорий или групп — очень много (например, «170, которые существуют, все здесь живут»), тем самым указывая на сложность их перечисления, но чаще всего все же «вспоминали» известные национальности. Этот список предсказуемо никогда полностью не воспроизводил условный статистический сборник, описывающий национальный состав Москвы, однако такой список, как правило, представлял собой некоторый «общий знаменатель» из 10–15 национальностей, примерно отсортированных по числу их представителей, проживающих в Москве:

Интервьюер: Тогда вот следующий вопрос у меня будет. Можешь, пожалуйста, назвать, как тебе кажется, люди какой этнической принадлежности живут в Москве? Постоянно или временно. Можешь прямо перечислить, а я запишу.

Информант: Я думаю, узбеки.

Интервьюер: Узбеки?

Информант: Да. Белорусы. Украинцы. Таджики. Ну русские. Ну, думаю, это самые распространенные, которые живут здесь.

Интервьюер: То есть все?

Информант: Ну, вообще, каждый же может жить.

(Женщина, 20 лет, Москва, русская)

Несмотря на то что в большинстве случаев перечень называемых информантами категорий действительно имел много пересечений, в него могли включаться довольно неожиданные категории, которые не вписывались в логику описания по числу представителей соответ-

ствующей категории в Москве в порядке убывания. Как можно предположить, такой способ модификации может быть связан с опытом информанта, заимствованным из других контекстов, например, из опыта проживания в национальном регионе — в таком случае в общем «списке» встречаются упоминания категорий, в других интервью не встречавшихся, например дагестанцев, марийцев, калмыков и других. Более того, часто инкорпорируемой в этот перечень национальностей оказывается категория идентификации информанта. Например:

Информант: Ну самые разные живут. Это русские. Кого у нас много? Татар, башкир. Татары, башкиры, что еще. Немного белорусов, украинцев немного... Я к категории буряток отношусь, но у нас тоже есть наша диаспора здесь.

(Женщина, 53 года, п. Колотовка, бурятка)

Иногда, впрочем, встречаются другие типы категорий, которые отчасти «разбавляют» список, отчасти — задают иную логику описания разнообразия. Например, информанты, отвечая на вопрос об этнических группах в Москве и иллюстрируя тезис о ее разнообразии, упоминают категории, которые можно обозначить как «предельные» — задающие наиболее широкие границы разнообразия. К таковым могут быть отнесены такие категории, как «китайцы», «афроамериканцы», «арабы» и некоторые другие:

225

Информант: Ну на Люблинском (рынке) там все нации. Ну вот Люблинский вот это, Москва. Там все есть. Там даже эти негры есть. Диаспора негров. Очень большая в Кузьминках.

(Женщина, 53 года, п. Колотовка, бурятка)

Таким образом, в основном на вопрос о том, представители каких этнических категорий присутствуют в Москве, информанты отвечали в ту или иную сторону модифицированным списком, заимствованным из дискурса, закрепленного в статистических сборниках и их популярных вариантах изложения перечня национальностей, представленных в Москве. Можно ли, однако, «увидеть» эти категории на улицах Москвы и как информанты решали задачу по категоризации «стимулов» в ходе спонтанной классификации?

Категории со стимулами: бинарная и тернарная категоризации

В тот момент, когда перед информантами ставилась задача определить этническую принадлежность людей в ходе демонстрации видео или классификаторных прогулок, категории, которые они

использовали, существенным образом менялись. В общем случае применялась категоризация, состоящая только из двух (бинарная) или трех (тернарная) категорий.

Бинарная категоризация такого рода обычно подразумевала противопоставление «славян», «русских», «людей со славянской внешностью» таким категориям, как «неславяне», «нерусские», «люди с неславянской внешностью», «восточные», «иностранцы», «мигранты»:

Информант: Я думаю, русский. То есть нужно спросить человека, чтобы узнать. Так не получится. Если он ярко выраженный, то можно не спрашивать. Но конкретно откуда, мне кажется, это уже нужно уточнять. Потому что так непонятно.

Интервьюер: Вот смотри, вот этот, например.

Информант: Ну вот сразу понятно, что это нерусские. Какие-нибудь Узбекистан или Таджикистан, что-нибудь из этого. Вот я между собой их уже плохо включаю, но это точно что-то из этого. <...>

Интервьюер: Хорошо. Женщина в зеленой шапочке.

Информант: Ну, естественно, это нерусская. А вот конкретно обозначить ее национальность вот почему-то сложновато.

(Мужчина, 30 лет, Москва, русский)

В рамках тернарной категоризации вторая категория из «бинарной» («нерусские», «восточные» и проч.) делилась на две категории, которые обозначали нечетко ограниченные множества людей, происходящих из стран и республик Кавказа («с Кавказа», «люди с кавказской внешностью») и из Центральной Азии («из Азии», «среднеазиатские республики», «люди с азиатской внешностью»):

Интервьюер: То есть у нас вообще может быть разброс от киргиза до вьетнамца, чисто теоретически.

Информант: Окей, у него... вот он типа азиат. Именно глаза. Глаза и формы лица у него такие щекастые бывают. <...> Мне кажется, это русская. Почему не кавказская девочка? Потому что на Кавказе так не одеваются. Кавказские девушки более собранные. <...> Кавказский мужчина в возрасте более солидно одевается, а тут эпатажно, что-то для подростков.

(Мужчина, 29 лет, Махачкала, аварец)

Важно, что эта бинарная и тернарная категоризации воспроизводились как у тех, кто в той или иной степени относил себя к условным «славянам», так и у тех, кто мог быть в рамках того же задания классифицирован в качестве «кавказца» или «азиата», что позволяет выдвинуть предположение о едином основании классификаторной схемы, «работающей» в московской повседневности.

Именно эта схема, предполагающая редукцию всего множества категорий до двух-трех, оказывается фактической, реальной альтернативой списку, который используется в случае, если перед человеком не стоит задачи определять этническую принадлежность людей, которых он видит¹.

Индикаторы

На что обращают внимание люди при «решении» описанной ранее задачи по спонтанной классификации окружающих? Сталкиваясь с такой необходимостью, информанты неизбежно обращались к индикаторам — признакам, за счет которых связываются между собой этнические категории и конкретные люди. Ключевыми индикаторами, посредством которых осуществлялась категоризация, оказывались фенотипические: цвет кожи, цвет волос, цвет глаз, разрез глаз, форма лица, форма носа, рост, телосложение. Хотя используемые информантами для классификации индикаторы категорий не всегда озвучивались напрямую, по результатам анализа были выделены некоторые «типичные» для редуцированных категорий индикаторы. «Славяне»/«русские»/«люди со славянской внешностью» обычно связывались с такими фенотипическими чертами, как светлые волосы, светлая кожа, голубые глаза, а в категорию «неславяне»/«нерусские»/«восточные» записывались, соответственно, те, кто под эти индикаторы не подходил (имеющие темные волосы, темную кожу и иного цвета глаза).

227

В качестве индикаторов могли выступать не только отдельные фенотипические черты лица/тела/др., но и некоторый гештальт, целостность внешности. Так, в связи с категорией «русские» и ее противопоставлением категории «нерусские» иногда назывался такой индикатор, как «стандартность», «типичность» внешности, отсутствие каких-либо ярко выраженных черт. При отсутствии каких-либо видимых индикаторов, по которым стимул мог быть отнесен к какой-либо иной категории, информанты применяли к таким людям категорию «русский»:

Интервьюер: Чем мордва отличается от русских?

Информант: У него такое лицо тоже какое-то немножко странное для русского. Оно как-то более чуть смугловатое, но, мне кажется, все-таки

1 Именно такая задача и стояла перед информантами. В соответствии с методологией им задавался вопрос «К какой этнической группе относится человек, заснятый на видео/проходящий мимо?».

оно какое-то не тюркское, то есть у него какие-то формы лица тоже, мне кажется, какая-то такая. <...> Мне кажется, это русские.

Интервьюер: Почему?

Информант: Выглядят как-то обычно.

(Мужчина, 20 лет, Ухта, коми, белорус, немец)

Что касается тернарной категоризации, то учитывая отсутствие таких индикаторов, как светлые волосы и светлая кожа (индикаторы категории «славяне») у обеих категорий, для первой категории («с Кавказа») оказывалось важно наличие у человека бороды, для второй («из Азии») — узкий разрез глаз.

Реже, по сравнению с фенотипическими индикаторами, использовались такие индикаторы, как стиль одежды, манеры поведения или контекст происходящего. Скорее, они работали в связке с индикаторами внешности и использовались информантами в тех случаях, когда на основании лишь фенотипических индикаторов трудно было дать однозначный ответ. В контексте бинарной категоризации, например, к манерам поведения могут быть отнесены нормы «снимать головной убор в общественном месте» и «сдержанно вести себя в общественных местах». Тех, кто не соблюдает данные нормы, некоторые информанты классифицировали как «нерусских», «мигрантов», противопоставляя их «русским», «славянам». Важно, что часто такие индикаторы назывались первыми в силу сложившейся стереотипной связки «носит головной убор в помещении» — «так в Москве делают только мигранты» (и другие аналогичные), но, безусловно, без считывания индикаторов внешности (которые могли и не проговариваться) ответ об этнической принадлежности человека едва ли был бы возможен.

228

Фактические классификаторные акты: между бинарной/тернарной категоризацией и списком

Возвращаясь к вопросу двух типов категоризаций, важно понять, как в реальности сочетаются между собой редуцированная категоризация и категоризация по национальностям из «списка»? Бинарную/тернарную категоризацию, которая, по всей видимости, является ведущим способом категоризации в повседневности, полезно рассматривать как идеальный тип, к которому фактические категоризации информантов тяготеют. В фактических актах категоризации категории из «списка» в той или иной степени (для разных информантов — разной) могут использоваться для повседневной категоризации, соседствуя с категориями редуцированными. Можно проследить, как информанты, пытаясь справиться с заданием по классификации людей, иногда сначала стараются применить

«списочную» национальность, затем, не сумев подобрать «нужную», используют обобщенную категорию:

Интервьюер: Хорошо. Самое последнее видео. Кассирша. Кто она по этнической группе?

Информант: Ну вот я бы это записала вот в эти вот Таджикистан, Узбекистан, Раскосый Кавказ. <...> Это, знаете, это вот этот вот южный восточный регион. То есть исламское население, Кавказ... <...>

Интервьюер: То есть восточные и кавказские это одно и то же?

Информант: Я это просто таким блоком пишу. Я их не отличаю вообще. Я не могу. Для меня все начинается ниже Ставрополя и заканчивая Ташкентом, для меня это все...

Интервьюер: А слушайте, в чем трудность? Что не дает определить?

Информант: Они для меня все на одно лицо. Это стыдно мне признать-ся. У них для меня у всех очень такие... Ну вот условно как спроси китайца, отличит ли он русского от американца, он не отличит. Для меня их внешность, если их разделить, десять если их поставить в ряд, я смогу вот сказать, этот, наверное, южнее, а вот этот, наверное, севернее. Но если мне их сказать вычленишь из толпы, я их не отличу.

(Женщина, 28 лет, Балашов, отсутствует самоидентификация)

229

Случались и — в некотором смысле — обратные ситуации, когда информанты использовали «списочные» категории синонимично категориям из бинарной категоризации или для тех же целей использовались две «списочные» категории, идущие через условную косую черту или дефис:

Информант: Ой, господи, узбек-таджик. Явно строители. Или эти чернорабочие, которые... Ну вот по лицу ты что, не видишь?

(Женщина, 62 года, Москва, русская)

Впрочем, даже те информанты, для которых бинарная/тернарная категоризация была основной, описывали с ее помощью не всех. В частности, «не вписывались» в нее те категории, которые ранее описывались в качестве «предельных», задающих границы разнообразия, в том числе «арабы», «индусы», «евреи», «цыгане», «афро-американцы». Иными словами, хотя категоризация стимулов — в сравнении с интервью без стимулов — действительно тяготеет к бинарности/тернарности, категоризации, осуществляемые каждым отдельным информантом сочетают «редуцированные» и «списочные» категории довольно «творческим» образом. Можно заключить, что именно в контексте этих двух категоризаций — более эмпирической и более дискурсивной, будучи производной от официально декларируемого представления об этническом разнооб-

разии, — и осуществляются конкретные классификаторные акты, производимые в повседневности.

Не является тривиальным вопрос, как соотносятся между собой «списочные» категории и категории из бинарной/тернарной категоризации. Номинальная «укрупненность» одних категорий по отношению к другим является всего лишь представлением о соотношении между категориями, достаточно, впрочем, укорененным среди информантов. О соотношении категорий и о том, насколько «списочные» категории однозначным образом «переводятся» информантами в категории из бинарной/тернарной категоризации или эти категоризации несводимы одна к другой, и первая существует только в дискурсивном пространстве, а вторая — в ситуациях повседневных категоризаций, также можно судить на основании собранных данных.

В целом можно говорить о том, что «списочные» категории и категории из бинарной/тернарной категоризации действительно «переводятся» одни в другие, и вторые действительно чаще всего являются общими по отношению к частным «списочным»¹. Это отчетливо видно по тому, как «решается» проблема неуверенности при категоризировании — информанты сначала называют «списочные» категории, затем — когда понимают, что у них не хватает индикаторов для категоризации — используют более общую категорию, в которую входит несколько «списочных»:

Информант: Ну по крайней мере, ну нет, почему, ну по крайней мере, у армян я такого не видела. У меня друзья есть армяне. Я у них такого не видела. Ну, может быть, чеченец, может быть, ну тоже, в общем-то, из восточных. Вы что там, на восточные народы у вас вопросы? <...> Ну это тоже. Это либо, ну, тебе возможные варианты. Армянин, азербайджанец, может быть, и чеченец. То есть понятно, что человек с Востока. (Женщина, 62 года, Москва, русская)

Тем не менее этот «перевод» может осуществляться в довольно необычном режиме. В частности, «списочные категории» могли оказываться в неожиданных для наблюдателя, знакомого с конвенциональными таксономиями, «укрупненных» категориях. Одним из подобных нарративов являлось исключение категории «чечен-

1 Отметим, что такое соотношение категорий, при котором все «списочные» категории однозначным образом входят в редуцированные категории, не является единственно возможным вариантом в схемах информантов. Некоторые списочные категории могут быть рядоположены укрупненным, а некоторые — не входить ни в одну из укрупненных категорий (например, евреи, афроамериканцы и др.).

цы» из категории «Кавказ» в связи с «отличной» культурой, или — более распространенный вариант — исключение категории «грузины» из категории «Кавказ», в связи с атрибутируемой последней наиболее распространенной религий — исламом.

Возвращаясь к вопросу о том, как категоризация осуществляется (а осуществляется она преимущественно с использованием редуцированных — бинарных или тернарных — категорий), важно описать и очевидные исключения из этого «правила», а также попытаться их объяснить. В ходе полевой работы встретилось три случая, когда информанты использовали для категоризации стимулов «списочные» категории. Двое из них родились в другой стране (мужчина из Армении и женщина из Казахстана), третий — мужчина из Ульяновска с богатым опытом взаимодействия с представителями различных этнических категорий на основании «списочных» категорий и довольно необычных индикаторов (армяне *«более уверенные и у них вот этот крючковатый нос и уши маленькие»*, узбечка *«будет похожа на кавайную мишку»*, *«отличить таджика очень просто — смотрите, кто больше из них из всех разговаривает по телефону»*) категоризировал прохожих, вообще не используя категории, отсылающие к бинарной или тернарной категоризациям:

231

Информант: Нет, вот для меня они сразу палятся грузины. А армянин вообще другой.

Интервьюер: По сравнению с грузинами?

Информант: Да. Во-первых, они всегда ходят по-другому, более ослаблены, так как они... Как итальянцы на фieste. Они более уверенные и у них вот этот крючковатый нос и уши маленькие. <...> Блин, в Одинцово на рынке АКОС я просмотрел, там, получается, больше 600, пока работал в охране, больше 600 ларьков, все армяне.

Интервьюер: Ого, и все похожи более-менее с этими ушами. <...>

Информант: Ну это 100%. Блин, даже мне тяжело отличить ее. Маленький рост, маленькие уши, большой нос, но при этом ходит как узбечка. Но нет, это киргизка. Скорее всего, где-нибудь поближе к Иссык-Кулю. Потому что там горы, и там киргизы более светлые.

(Мужчина, 28 лет, Ульяновск, русский)

Во всех случаях, однако, такому положению вещей находилось объяснение. В частности, в последнем из случаев именно этническая категоризация является для информанта «ключом» к людям, понимать которых для него — жизненная необходимость. В случае с мужчиной из Армении детальная категоризация кажется информанту осмысленной в контексте его работы в строительстве — от контрагентов и сотрудников он ждет того или иного поведения

в зависимости от этнической принадлежности, и они в целом не «обманывают его ожиданий». В случае с женщиной из Казахстана информант бравирует перед интервьюером своей «насмотренностью» (при этом она не могла назвать конкретных индикаторов, исходя из которых она категоризирует). Важно, что во всех случаях у информантов был реальный — у каждого свой — «опыт разнообразия», и такие категоризации являются фактически его проекцией на конкретные случаи. Важно отметить, что «достоверность» подобных классификаций остается за рамками исследования и проверка соответствия классификаций информантов с самоидентификацией прохожих/людей (которая не выяснялась) на видео не является его целью. Ключевым моментом здесь является осознаваемая людьми потенциальная «полезность», связанная с возможностью догадаться, представитель какой этнической категории находится перед ним. Эти три случая, впрочем, скорее являются девиацией, и большая их часть при фактической классификации лавирует между «списочными» категориями и категориями из бинарной/тернарной категоризации.

232

Подводя итог, важно обозначить ключевой для исследования момент. В Москве — в представлениях ее постоянных и временных жителей — сосуществует две этнических категоризации. Одна носит преимущественно дискурсивный характер и является «списком», по всей видимости, заимствуя способ воображения разнообразия, а также конкретные категории из официальной категоризации. «Списочная» категоризация, однако, лишь ограниченно может быть использована для спонтанного категоризирования людей в повседневности. Фактическая категоризация, включая в той или иной степени «списочные» категории, тяготеет к схеме из двух или трех категорий, в которых, во-первых, противопоставляются по-разному называемые славяне/москвичи/русские и иностранцы/южане/восточной внешности, во-вторых, последняя категория делится на две — условные «Кавказ» и «Азию». Отдельным вопросом исследования является вопрос, связанный с объяснением причин подобной редукции.

Дискуссия и заключение

Как следует из результатов исследования, схема этнической классификации жителей Москвы строится одновременно на двух категориальных рамках: одна из них — это вернакуляризированная официальная классификация по национальностям, вторая — это бинарная/тернарная классификация. При этом важно, что информанты с разным опытом проживания в Москве более или менее

сходным образом категоризируют людей¹. Это говорит о том, что эта категоризация в части категорий и индикаторов является устойчивым «социальным фактом», который, как демонстрируют интервью с иностранцами, вошедшими в выборку исследования, в ходе социализации в московские среды довольно быстро «осваивается». Данное наблюдение в некоторой степени отличается от наблюдения В. Рот за доминиканцами и пуэрториканцами, приезжающими в Нью-Йорк и привносящими изменения в существующую бинарную этническую схему (предлагая взамен ей «испаноязычную американскую схему» из большого числа категорий²) (Roth 2012). Возможно, московская редуцированная конструкция этничности является, в отличие от случая, описанного В. Рот, более «укорененной» и универсально работающей, а потому — быстро осваиваемой приезжими, что, впрочем, требует дальнейшего сравнительного исследования в иных контекстах.

Каково происхождение категорий в категоризациях? Истоки первой, «официальной» категоризации могут быть обнаружены в советской национальной политике, поместившей национальности в основание государственного устройства и за счет паспортной системы «привязавшей» людей к этим категориям. Национальности за счет этого получили «вторую жизнь» и укоренились в коллективных представлениях жителей СССР, а затем и России, о том, представители каких категорий живут в стране. Почему же такая списочная категоризация, о которой все информанты, с той или иной степенью детализации, знают и которая, по всей видимости, продолжает бытование благодаря разного рода авторитетным источникам информации (статистические справочники, учебники, Википедия), не является ведущей в повседневной категоризации?

- 1 Возможно, кроме того, и в других российских локациях это в той или иной степени так, но в той мере, в какой данное исследование является инновационным в области изучения этнических схем в российском контексте, сравнение с другими локациями только предстоит сделать. Одним из авторов статьи, кроме того, было проведено пилотное элицитационное исследование в городе Бишкеке (Кыргызстан), которое показало, с одной стороны, схожий принцип работы индикаторов при идентификации человека и бинарных категорий «местные» или «русские», с другой — довольно сильно отличающуюся номенклатуру базовых категорий, нередуцируемых к обнаруженной в Москве оппозиции (Варшавер 2024).
- 2 В своей работе В. Рот описывает этнические схемы местных и приезжих из Латинской Америки в Нью-Йорке. В то время как жителями Нью-Йорка вполне усвоена классическая расовая схема «черные-белые», мигрировавшие в страну более склонны использовать схему, включающую латиноамериканцев — «испанизованную» расовую схему США.

Для ответа на этот вопрос важно принимать во внимание, что любая схема категоризации, для того чтобы быть востребованной и применимой, неизбежно должна отвечать двум требованиям. Во-первых, она должна иметь «различительную силу», то есть обеспечивать возможность различать представителей разных категорий. Во-вторых, она должна быть релевантной, то есть это различие должно быть зачем-то нужно.

Что касается «различительной мощности», в той мере, в какой восприятие этнической принадлежности другого человека связано с визуальными составляющими (Roth 2015), важную роль в осуществлении категоризации играют индикаторы. Для категоризирования используются разнообразные индикаторы — связанные с чертами лица/строением тела, одеждой/стилем, языком/акцентом, контекстом, при этом результаты исследования подтверждают первостепенную важность одного из указанных типов индикаторов — фенотипических, включая цвет кожи, цвет волос — отмеченного и в зарубежных исследованиях повседневных категоризаций (Sanjek 1971; Вугне, Forline 1997; Zuijderwijk, Burgers 2015). Остальные же индикаторы, будь то одежда или манера поведения, скорее помогают человеку определить национальность в том случае, если каких-то из фенотипических индикаторов оказывается недостаточно. Здесь, однако, можно отметить, что индикаторы, которые проговариваются и даже как будто используются для категоризирования на глазах у интервьюера, могут быть не теми индикаторами, на которые люди обращают внимание на самом деле, но которые выпадают из нарратива об этнических различиях. Предположительно, большую роль в сравнении с фенотипическими индикаторами могут играть индикаторы контекста, которые как бы настраивают человека на определенную категоризационную «модальность» (применительно к этничности в Москве такими контекстами могут быть рынки, стройки и т.д.). Чтобы ответить на этот вопрос, однако, требуются другие исследовательские методы. Возвращаясь же к вопросу о том, почему люди практически не используют списочную категоризацию, можно предположить, что у человека, перед которым стоит задача классифицировать кого-либо, не хватает различительной мощности, то есть способности «считывать» индикаторы при использовании списочных, дискурсивно существующих категорий. А кроме того, слишком большое число категорий, существующих в официальном дискурсе, делает затруднительным наделение уникальными, различимыми визуально, атрибутами каждую из национальностей. Это видно, например, при анализе индикаторов, которые использовали информанты для отнесения человека к категории «русские» — зачастую речь шла о некоторой обыденности, типич-

ности и стандартности внешности человека¹, то есть невозможности выделить конкретные индикаторы.

Что же касается релевантности, одним из ходов мысли в существующих исследованиях является объяснение редуцированных этнических схем в мегаполисах через особенности социального взаимодействия, необходимости быстро, и потому довольно «общо», классифицировать людей в условиях мимолетных контактов (Beegeman 1972). Хотя жители Москвы знают классификацию по официальным национальностям, в жизни она оказывается им не очень нужна. Является ли человек бурятом, якутом, аварцем, белорусом или татаринном — такая категоризация для жителя Москвы не имеет почти никакого практического значения в ситуации быстрого и отстраненного взаимодействия, в то время как практическое значение имеет категоризация «русские»/«славяне» — «нерусские»/«южане», поскольку именно она связана с выстраиванием человеком своего поведения во взаимодействии с незнакомцами. Первые, то есть условные «русские», согласно общественным представлениям, в совершенстве говорят на русском языке, являющемся для них родным, а вторые, по-разному описываемые «нерусские», — нет, в связи с чем стандартные схемы взаимодействия здесь могут различаться. Кроме того, согласно существующим стереотипам, взаимодействие именно с такой общей категорией, как «нерусские», «мигранты», оказывается сопряжено для «русских», «местных» с различного рода рисками, преступлениями, антисанитарией и другими негативными феноменами². Такое редуцированное различие оказывается релевантным, например, в контексте важности понимания, возможна ли и насколько легка (и безопасна) будет коммуникация с другим человеком.

235

Примерно по тем же причинам категория «неславяне» может разделяться на «Кавказ» и «Азию». Представители первой категории часто воспринимаются как вспыльчивые, но инициативные предприниматели, с которыми нужно вести себя осторожно, вторые — как бесправные, безответные «гастарбайтеры», которых можно «ис-

1 Атрибутирование «русским» стандартной внешности, по всей видимости, происходит из регулярного взаимодействия информантов с представителями данной категории в Москве, из-за чего и возникает связка «русский» — «тот, кого вижу постоянно и к кому уже привык».

2 Действительно ли мигранты причиняют много дискомфорта местным жителям? Большой вопрос. URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/3957258-dejstvitelno-li-migranty-prichinjajut-mnogo-diskomforta-mestnym-zhiteljam.html?ysclid=m8zr7iem24572603699>. Мешают ли России нерусские? Известия. URL: <https://iz.ru/588378/meshaiut-li-rossii-nerusskie>.

пользовать» на низкооплачиваемой работе¹. Такие представления распространены среди «славян», которые в этой категоризации оказываются «всеми остальными» или «обычными людьми», не имеющими культурной специфики, однако и «нерусские» впитывают и по-своему интерпретируют существующую в московской конструкции этничности категоризацию.

Важно, впрочем, и то, что эти категории связаны с «рабочими» индикаторами. Так, имеется набор индикаторов, позволяющих, пусть и с небольшими ошибками, отнести конкретного человека к категории «славяне», а «Кавказ» отличить от «Азии», в результате чего эта категоризация постоянно «тренируется» и становится одной из «рабочих» интерпретаций действительности. Однако эта категоризация, несмотря на циркуляцию в СМИ и некоторых практиках — например, объявлениях о сдаче квартир², не получила собственного одновременно авторитетного и популярного языка описания, и в результате, когда заходит речь об этнических различиях, житель Москвы оказывается между ней и значительно более авторитетной, однако менее «рабочей» классификацией по советским национальностям. И именно на стыке первой и второй он и говорит, и мыслит этнические различия, и — интерпретирует окружающую реальность.

Основными методологическими ограничениями исследования является то, что используемые методы позволяют только приблизить информантов к ситуации спонтанных категоризаций, а не поместить их в нее. Более того, в той мере, в какой интервью начиналось с вопросов про этнические категории, эти методы лишь ограниченно полезны в деле выявления фактической релевантности этнических категоризаций для информантов и того, когда и в каких ситуациях у них «включается» этническая категоризация, а в каких этого не происходит. В ряде случаев информант сначала транслировал подробную классификацию с одним набором категорий, однако после элицитации признавался, что на самом деле ее не придерживается и в жизни пользуется иными — «укрупненными» — категориями, более релевантными в жизненных ситуациях. Стоит отметить, что далеко не все информанты осуществляли такую рефлексию, поэтому в некоторых случаях такого — дополнительного — способа выяснить, какие

1 Схожая категоризация прослеживается и в СМИ. См.: Откуда ждать опасности от мигрантов? LiveJournal. URL: <https://bulochnikov.livejournal.com/953317.html?ysclid=m8zr5lxv78984074922>.

2 Нигериец, таджик и кореянка: как жить в России с неславянской внешностью? Афиша Daily. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/2645-nigeriec-tadzhik-i-koreyanka-o-tom-kak-zhit-v-rossii-s-neslavjanskoy-vneshnostyu/>.

категории используются при классификации «на самом деле», исследователи были лишены. Тем не менее в той мере, в какой есть лишь ограниченное число исследований, которые задаются похожими вопросами, а тем более используют похожие методы, методология и результаты исследования обладают как научной новизной, так и важностью в объяснении «повседневного» бытования этничности.

Финансирование / Funding

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Список источников / References

Варшавер Е. А. (2024) Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота. *Социологическое обозрение*, 23(3), с. 94–126. EDN: IGULTR. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126>

— Varshaver E. (2024) What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn. *The Russian Sociological Review*, 23(3), pp. 94–126. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126>. (in Russ.)

Зайончковская Ж. А., Полетаев Д. В., Флоринская Ю. Ф., Доронина К. А. (2014) Мигранты глазами москвичей. *Демоскоп Weekly*, 605–606, с. 1–28. Доступен: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/demoscope605.pdf>

— Zayonchkovskaya J., Florinskaya Y., Poletaev D., Doronina K. (2014) Migrants through the Eyes of Muscovites. *Demoscope Weekly*, 605–606, pp. 1–28. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/demoscope605.pdf>. (in Russ.)

Anderson B. (2006) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso.

Appadurai A. (1993) Number in the Colonial Imagination (pp. 314–339). In Breckenridge C. & van der Veer P. (Eds.) *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Berremen G. D. (1972) Social Categories and Social Interaction in Urban India. *American Anthropologist*, 74(3), pp. 567–586.

Brubaker R., Loveman M., Stamatov P. (2004) Ethnicity as Cognition. *Theory and Society*, 33, pp. 31–64. <https://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63>

Byrne B., Forline L. (1997) The Use of Emic Racial Categories as a Tool for Enumerating Brazilian Demographic Profiles: A Re-Analysis of Harris' 1970 study. *Boletim do Museu Paraense Emilio Goeldi (Antropologia)*, 13, pp. 3–25.

Gold S. J. (1991) Ethnic Boundaries and Ethnic Entrepreneurship: A Photo-Elicitation Study. *Visual Studies*, 6(2), pp. 9–22. <http://dx.doi.org/10.1080/14725869108583688>

Gravlee C. C. (2005) Ethnic Classification in Southeastern Puerto Rico: The Cultural Model of «Color». *Social Forces*, 83(3), pp. 949–970. <https://doi.org/10.1353/sof.2005.0033>

Harris M. (1970) Referential Ambiguity in the Calculus of Brazilian Racial Identity. *Southwestern Journal of Anthropology*, 26(1), pp. 1–14. <https://doi.org/10.1086/soutjanth.26.1.3629265>

Henry S. G., Feters M. D. (2012) Video Elicitation Interviews: a Qualitative Research Method for Investigating Physician-Patient Interactions. *The Annals of Family Medicine*, 10(2), pp. 118–125. <https://doi.org/10.1370/afm.1339>

Karahan E. (2023) Using Video-Elicitation Focus Group Interviews to Explore Pre-Service Science Teachers' Views and Reasoning on Artificial Intelligence. *International Journal of Science Education*, 45(15), pp. 1283–1302. <https://doi.org/10.1080/09500693.2023.2200887>

Keesman L. D. (2022) Action Accounts of Police-Civilian Interactions: Using Video Elicitation to Explore Police Officers' How-to Knowledge. *Poetics*, 91 (101561). <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2021.101561>

Kertzer D., Arel D. (Eds.) (2001) *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses (New Perspectives on Anthropological and Social Demography)*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511606045>

Lorinc M., Kilkey M., Ryan L., Tawodzera O. (2022) «You Still Want to Go Lots of Places»: Exploring Walking Interviews in Research with Older Migrants. *The Gerontologist*, 62(6), pp. 832–841. <https://doi.org/10.1093/geront/gnab152>

Petersen W. (1987) Politics and the Measurement of Ethnicity (pp. 187–234). In Alonso W. & Starr P. (Eds.) *The Politics of Numbers*. New York: Russell Sage Foundation.

Piekut A., Valentine G. (2016) Perceived Diversity and Acceptance of Minority Ethnic Groups in Two Urban Contexts. *European Sociological Review*, 32(3), pp. 339–354. <http://dx.doi.org/10.1093/esr/jcw011>

Roth W. D. (2015) Studying Ethnic Schemas: Integrating Cognitive Schemas Into Ethnicity Research Through Photo Elicitation (pp. 89–118). In Santos C. E. & Umana-Taylor A. (Eds.) *Studying Ethnic Identity: Methodological and Conceptual Approaches Across Disciplines*. Washington, DC: American Psychological Association.

Roth W. D. (2012) *Race Migrations: Latinos and the Cultural Transformation of Race*. Stanford: Stanford University Press.

Sahadeo J. (2019) *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Sanjek R. (1977) Cognitive Maps of the Ethnic Domain in Urban Ghana: Reflections on Variability and Change. *American Ethnologist*, 4(4), pp. 603–622. <https://doi.org/10.1525/ae.1977.4.4.02a00020>

Sanjek R. (1971) Brazilian Racial Terms: Some Aspects of Meaning and Learning. *American Anthropologist*, 73(5), pp. 1126–1143.

- Sankoff G. (1971) Quantitative Analysis of Sharing and Variability in a Cognitive Model. *Ethnology*, 10(4), pp. 389–408.
- Simon P., Piche V., Gagnon A. A. (Eds.) (2015) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>
- Starr P.D. (1978) Ethnic Categories and Identification in Lebanon. *Journal of Contemporary Ethnography*, 7(1), pp. 111–142. <https://doi.org/10.1177/089124167800700106>
- Valentine C. A., Valentine B. L. (1971) *Missing Men: A Comparative Methodological Study of Underenumeration and Related Problems*. Contract No. 1510. Washington, DC: U.S. Bureau of the Census.
- Warren S. (2017) Pluralising the Walking Interview: Researching (Im) Mobilities with Muslim Women. *Social & Cultural Geography*, 18(6), pp.786–807. <https://doi.org/10.1080/14649365.2016.1228113>
- Zuijderwijk L., Burgers J. (2015) Making Sense of Others in a Super-Diverse City: Ethnic Categorization in Public Space. *Studies in Symbolic Interaction*, 45, pp. 51–73. <https://doi.org/10.1108/S0163-239620150000045003>

Об авторax / About the authors

239

Варшавер Евгений Александрович — к.соц.н., руководитель Группы исследований миграции и этничности, и.о. директора Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>. E-mail: varshavere@gmail.com

Evgeni A. Varshaver — PhD in Sociology, head of the Group for Ethnicity and Migration Research, acting head of the Centre for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>. E-mail: varshavere@gmail.com

Орлова Анастасия Анатольевна — исследователь Группы исследований миграции и этничности, стажер-исследователь Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

<http://orcid.org/0009-0001-4245-5113>. E-mail: aaorlova_10@edu.hse.ru

Anastasia A. Orlova — researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, research assistant at the Centre for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

<http://orcid.org/0009-0001-4245-5113>. E-mail: aaorlova_10@edu.hse.ru

Гупалова Юлия Викторовна — магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, Москва, Россия.

<http://orcid.org/0009-0004-0909-0046>. E-mail: jgupalova@gmail.com

Yulia V. Gupalova — MA in Sociology, researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Moscow, Russia.

<http://orcid.org/0009-0004-0909-0046>. E-mail: jgupalova@gmail.com